

*Музыка – это откровение более высокое,
чем мудрость и философия.*

Людвиг Ван Бетховен

Россия. Наше время.

Тупфли нещадно жали. Как только в зале свет погас, Александр Николаевич Капустин тут же незаметно снял обувь, которую надевал один-два раза в год по большим праздникам. Сегодня такой «праздник» устроила жена, коварно затащив его на органнй концерт. Он целый месяц сопротивлялся этому «выходу в свет», но споры с супругой быстро подавлялись такими аргументами, что проще было махнуть на всё рукой и пойти на концерт.

«От подруг ей, видите ли, стыдно за то, что культурно не развиваюсь. Как же пива-то хочется. Так бы сейчас пару бутылочек выпил, сидя перед телевизором. Уже неделю стоят в холодильнике, ждут выходных. Спасибо зятю! А тупфли надо новые купить, похоже, что нога шире становится с возрастом...» – раздражённо думал любитель пива, удобнее располагаясь в кресле, стараясь не глядеть на сидящую рядом сияющую в пред-

вкушении удовольствия благоверную.

В свои пятьдесят три года он больше всего в жизни ценил мирное пребывание. Дом для него существовал как обитель комфорта и тишины. Дети уже выросли, разлетелись кто куда. После работы – дом, любимый диван. В выходные летом – дача, зимой – телевизор. Друзей и родных встречает только по праздникам, на свадьбах и похоронах. Чаще уже и не хочется.

На освещённую сцену вышла пышнотелая ведущая. Рассказав про исполнителя, переключилась на рассказ о композиторе. Александр Николаевич, не слушая, с интересом разглядывал её.

«Интересно, сколько ей годов? Сорок, пятьдесят или все шестьдесят? Сейчас так могут замаскироваться, что только по шее и можно угадать возраст, да и то не факт, что правильно распознаешь. А наряд – что надо, сразу всю фигуру видно, пропадают все вопросы...»

После ухода ведущей, на сцену выбежал высокий худощавый органист лет сорока. Следом за ним попевала молодая особа. Поклонившись, исполнитель принял дозу аплодисментов от сидящих в зале любителей музыки. Устроившись на сиденье, напоминающем скорее скамейку, исполнитель начал играть, предварительно перекинувшись парой фраз с девушкой, которая осталась стоять рядом.

Органную музыку Александр Николаевич не то чтобы не любил, просто, как говорят в народе, «готов в малых дозах был потреблять и то – в охотку». Такие стили, как диско, шансон и блюз, для него были намного роднее и понятнее. Особенно на работе, за рулём машины только и слушаешь «Дорожное радио» или «Милицейскую волну». А сейчас была как раз ситуация, что «охотки» слушать, как гудят трубы органа, не было. Под такую музыку хотелось решить один назревший вопрос на работе – разобраться со своим начальником.

«Что же мне делать: или морду ему бить, или вместе водку пить? – размышлял под музыку Баха поклонник шансона. – Может, собаку купить? Вместе выгуливая псов, глядишь – договоримся, как говорится – нащупаем компромисс».

Было жарко и душно в неприличном костюме. Но любитель диско стойко держался. В промежутках между произведениями он закрывал глаза, чтобы не видеть, как супруга рукоплесканием выражает свой восторг и за него, и за себя.

Некоторое время его внимание привлекало хаотичное движение ног органиста по ножной клавиату-

туре, после чего он переключился на молоденькую ассистентку исполнителя.

«Неплохо, неплохо, даже немного эротично листает нотки коллеге! – с любопытством разглядывая ноги помощницы органиста, размышлял Капустин. – Кого-то она мне напоминает. Такая же большая охапка светлых волос, стройная фигурка. Где-то в своей жизни уже встречал кого-то очень похожего».

Вдруг он понял, что молоденькая листмейстер удивительно похожа на его мать в молодости. Именно такой он помнил её в детстве. Чем дольше он глядел на ассистентку, тем больше далёких воспоминаний всплывало у него перед глазами. Вот мама идёт с ним, пятилетним, за водой к колодцу. Ситцевое платье в голубой цветочек. Весело хохочет над его детскими вопросами и потом обстоятельно начинает объяснять, куда летят облака, почему мы не летаем, как птицы. Волна прошлого захлестнула и уносила его далеко-далеко от действительности.

Музыка уносила Капустина в воспоминания запахов материнских рук и нежного голоса, который он уже не забудет никогда. Закрыв глаза, он оказался в мире прошлого, когда он был Шуриком и тонул в глазах материнской любви. Бабушку и деда тоже помнил. Всегда всё ему прощали. С утра уже на столе стояла свежая стряпня, когда успевала бабушка готовить – так и не смог понять. Зато дед уже с вечера ему готовил удочки, чтобы вместе с друзьями после завтрака бежал на рыбалку. Поплавок в воде, а сам лежал и смотрел на облака, определяя по форме, на кого они похожи.

На глаза накатила слеза.

«Все уже ушли, оставив меня на этой брэнной земле. Сосед Петрович говорил, что якобы мы встретим родных после смерти на Небесах, так ли? Какие они, эти Небеса, и буду ли там? Надо у Петровича поспрашивать...» – старался отвлечь себя от печальных мыслей поклонник блюза, не замечая, как звуки органа медленно проникают в его душу.

Музыка наполняла печалью сердце Александра Николаевича, пропитывая всю его сущность непонятной новизной ощущений. Ушла куда-то суета, и всё сегодняшнее показалось таким мелким по сравнению с чистотой детства. На душе появился непонятный ему новый покой и умиротворение. Хотелось пребывать в нём вечно.

Стоя в очереди в гардероб, Капустин попросил у жены программку концерта. Внимательно прочитав её, предложил через месяц опять сходить послушать Баха.

XVIII век. Германия. Веймар.

Иоганн аккуратно повесил парик на болванку. Наконец-то освободившись от нарядного камзола, он наслаждался тишиной дома. Дети и жена спали. В такие вечера они отца не ждали, зная, что вернётся поздно. Концерты у герцога Вильгельма Эрнста Веймарского заканчивались всегда поздно ночью.

Герцог ценил возможность похвалиться своим придворным выдающимся музыкантом-органистом перед другими высокопоставленными знакомыми. Сегодня Баху пришлось весь вечер развлекать вновь прибывших важных гостей. Герцог рассказывал им о недавней поездке музыканта в Кассель, где тот давал концерт

царственным особам и членам их семей. Гости слушали рассказ герцога, как Бах игрой на органе покорило сердце будущего короля Швеции – кронпринца Фридриха, любителя прекрасного. Убрав руки на скамью, музыкант исполнял величественную красотой музыку, играя одними ногами, за что получил от кронпринца кольцо с огромным драгоценным камнем.

Герцогу было неизвестно, что Иоганн просто задумался о словах из Библии – «Слаблю Тебя всем сердцем моим, пред богами пою Тебе» из песни царя Давида. Импровизация сама пришла, из того же сердца. Достаточно было только положить руки на скамью и показать всю мощь и глубину своей любви к Богу, виртуозно играя ногами.

«Вся моя музыка принадлежит Богу, и все мои способности Ему предназначены», – вздохнув, подумал музыкант и стал готовиться ко сну. Как для потомка уважаемого всеми и порядочного рода, почитавшего Всевышнего, вечерняя молитва перед ночным отдыхом была обязательна с детства. Семейные традиции Бахов музыкант соблюдал строго с детства.

На рабочем столе справа лежали ноты, а слева две любимые настольные книги – тоненькая книжка с тезисами Марина Лютера, Евангелие от Еноха и Библия. Сев за стол и закрыв глаза, музыкант начал молиться.

В молитве он видел себя в Царстве Небесном, в Тронном зале, где почвою дома был огонь, поверх него была молния и путь звёзд, крышею – пылающий огонь. Всё было в величии и в великолепии Божьей Славы. Божий престол, из-под которого выходили реки пылающего огня, блестел, как солнце.

Великий во Славе Своей сидел на троне в одежде блестящее, чем солнце, и белее чистого снега. Святые, стоящие рядом, не оставляли Его ни днём, ни ночью.

Херувимы и ангелы, не оставиваясь, прославляли Всемогущего, находясь за стенами Тронного зала.

Иоганн слышал их голоса, и новая, торжественная музыка постепенно зарождалась у него в сердце, дополняя видимое. Божественная мелодия в величественном органном исполнении лилась из сердца, наполняя Иоганна Себастьяна Баха ликующей радостью.

Схватив чистый нотный лист, одухотворённый придворный музыкант быстро начал записывать услышанное, не зная, что множество последующих поколений человечества будут наслаждаться, слушая только что записанное, и почитать его как великого компо-

зителя, создавшего незабываемые великие музыкальные шедевры.

Долго ещё будут строить свои предположения и догадки музыковеды и биографы о значении музыки Иоганна Себастьяна Баха. Только Музыка, которая создана во Славу Божию, будет вечно во все времена человечества, ибо её создал сам Творец, через своих избранных. Непонимание того, как мог создать такие великие гениальные произведения простой музыкант и озабоченный отец большого семейства, будет всегда загадкой для тех, кто не познал Всемогущего.

Только глубоко познавший Бога и отдавший своё служение Небесам сможет получить от Всевышнего Божий дар, который будет вечно касаться сердец людей, чтобы бросать туда семена к духовному пробуждению.

